
НАЗНАЧЕНИЕ ИСКУССТВА: КОНЦЕПЦИЯ В. Т. ШАЛАМОВА

Д.В. Кротова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, Москва, Россия, 119991

В статье анализируются представления В.Т. Шаламова о роли и задачах искусства и литературы, раскрывается понимание Шаламовым нравственного долга писателя и поэта. Доказывается, что творчество Шаламова органично продолжает линию, характерную для русской литературы, когда на первом плане для писателя оказываются поиски моральных ориентиров, стремление ответить на сложнейшие этические вопросы — для Шаламова это прежде всего вопрос о сохранении человеческой личности в нечеловеческих условиях. Обосновывается утверждение о том, что в мировоззренческих и эстетических представлениях Шаламова находит продолжение тенденция литературоцентризма, свойственная русской культуре. Автор приходит к выводу, что представление Шаламова о духовной значимости литературы согласуется с его же известными суждениями о том, что он не верит в искусство: Шаламов отрицал значение литературы как политического инструмента, но признавал ее бесспорную ценность для морального сознания личности.

Ключевые слова: Шаламов, мировоззрение Шаламова, литературоцентризм, задачи искусства, нравственная проблематика в литературе

Представления Варлама Шаламова о литературе и искусстве прочно вплетены в контекст культуры последнего столетия. Вопросы о том, каковы задачи искусства, какую роль играет литература в формировании общественного и личного сознания, возможно ли говорить о нравственном долге, этической миссии писателя и поэта, всегда обладали особой актуальностью, поскольку их решение в той или иной степени отражает мировосприятие эпохи.

Среди высказываний Шаламова о литературе есть несколько броских заявлений, исчерпывающе характеризующих взгляды Шаламова и круг его мировоззренческих представлений. Речь идет, в частности, о фрагментах из черновых записей Шаламова 1970-х гг. Это декларативные, резкие по тону и, казалось бы, совершенно недвусмысленные высказывания: «Я не верю в литературу. Не верю в ее возможность по исправлению человека. Опыт гуманистической русской литературы привел к кровавым казням двадцатого столетия перед моими глазами» [5. С. 57]. Или: «Искусство лишено права на проповедь. Никто никого учить не может, не имеет права учить. Искусство не облагораживает, не улучшает людей» [10. С. 157]. В том же ключе и слова Шаламова из письма к И.П. Сиротинской тоже начала 1970-х гг.: «Крах ее (литературы — Д.К.) гуманистических идей, историческое преступление, приведшее к сталинским лагерям, к печам Освенцима, доказали, что искусство и литература — нуль» [10. С. 377]. Круг высказанных идей подтверждается, казалось бы, и утверждениями Шаламова о содержании искусства (цитируем опубликованные черновики тех же лет): «Есть какая-то глубочайшая неправда в том, что человеческое страдание становится предметом искусства, что живая кровь, мука, боль выступают в виде картины, стихотворения, романа» [5. С. 57].

Из приведенных высказываний явствует, что позиция Шаламова предельно проста: литература себя дискредитировала, она полностью лишена морального, проповеднического пафоса, не играет никакой воспитательной роли и ничему не способна научить человека. Кроме того, искусство вообще не может быть правдивым, потому что «никакой Ремарк не передаст боль и горе войны» [5. С. 57].

Но, на наш взгляд, анализируя взгляды и эстетику Шаламова, нужно избегать упрощенного подхода и ориентироваться не только на отдельные поздние высказывания писателя, но и на весь комплекс его размышлений о литературе — на его статьи, на частные письма к разным адресатам и — в первую очередь! — на его прозаическое и поэтическое творчество. Тогда его восприятие искусства предстанет значительно более сложным и многогранным.

В письме Б. Пастернаку (от 28 марта 1953 г.) Шаламов размышляет: «Задача поэзии — это нравственное совершенствование человека — та, та самая задача, которая стоит в программе всех социальных учений, спокон веков лежит в основе всех наук и всех религий. Никакой другой задачи ни у каких поэтов, хотя бы и Виллонов, — нет» [9. С. 395]. Рассуждениям о задачах искусства посвящена и статья Шаламова «О прозе»: «“Колымские рассказы” — попытка поставить и решить какие-то важные нравственные вопросы времени, вопросы, которые просто не могут быть разрешены на другом материале» [9. С. 366]. Всякий большой художник, как доказывает Шаламов в очерке «Об одной ошибке художественной литературы», должен «заклеймить все нравственно негодное» [7. С. 7]. Все эти слова Шаламова прямо свидетельствуют о том, что он ставит перед литературой в первую очередь именно моральные задачи, а искусство вообще воспринимается им как важнейший инструмент воздействия на нравственное сознание человека. «Я верю давно в страшную силу искусства, силу, не поддающуюся никаким измерениям и все же могучую, ни с чем не сравнимую силу... художник, умерший много веков назад, силой своего искусства воспитывает людей до сих пор» (письмо Шаламова Пастернаку от 24 декабря 1952 г. [9. С. 390]).

Как известно, самой точной и достоверной характеристикой позиции писателя и поэта является его творчество. Обратимся к шаламовской прозе, о которой сам автор неоднократно говорил, что она сугубо документальна, что в «Колымских рассказах», в частности, он стремится к правдивому отражению фактов. «Нужно и можно написать рассказ, который неотличим от документа», — утверждал Шаламов в эссе «О прозе» [9. С. 362]. Конечно же, фактологический аспект текстов Шаламова невероятно значим. Рассказы и очерки Шаламова, его «кровоточащая» проза, по определению И. Сиротинской [4. С. 40], наряду с документальными произведениями Солженицына — важнейшее, ценнейшее свидетельство о национальной трагедии XX в., трагедии лагерей. Но значение прозы Шаламова, конечно же, ни в коем случае не ограничивается фактографией, ведь его рассказы и очерки несут в себе огромный нравственный заряд. Шаламов показывает не только гибельную, растлевающую силу лагерей, но и возможности противодействия ей: достаточно вспомнить известный рассказ «Выходной день», где заключенный — священник Замятин — на лесной поляне, один, служит литургию; или рассказ «Апостол Павел» — об арестанте Фризоргере, для которого опорой и источником сил становятся, во-первых, молитва, а во-вторых — мысли о любимой

дочери. Наконец, кому-то из заключенных, в том числе и самому Шаламову, возможность нравственного противостояния в лагере давало хранимое памятью поэтическое слово — чужие и свои стихи. «У каждого грамотного фельдшера, сослуживца по аду, оказывается блокнот, куда записываются случайными разноцветными чернилами чужие стихи — не цитаты из Гегеля или Евангелия, а именно стихи», — читаем в рассказе «Афинские ночи» [7. С. 409]. «Мои стихи — пример душевного сопротивления, которое оказано растлевающей силе лагерей», — признавался Шаламов в эссе «Свободная отдача» [9. С. 321]. Для Шаламова именно стихи являются «способом сохранения и обретения человечности, способом сохранения «я», порывом к свободе» [1. С. 8], именно стихи становятся в конечном счете и жизненной опорой — об этом Шаламов размышляет и в своей лирике, и в прозе. «Стихи были той животворящей силой, которой он жил. Именно так. Он не жил ради стихов, он жил стихами», — говорится о поэте в рассказе «Шеррибренди» [6. С. 63].

Бесспорно, Шаламов отрицал какой бы то ни было позитивный, положительный элемент в лагерном опыте. Хрестоматийно известны слова Шаламова о том, что «лагерь — отрицательная школа жизни целиком и полностью. Ничего полезного, нужного никто оттуда не вынесет, ни сам заключенный, ни его начальник, ни его охрана, ни невольные свидетели — инженеры, геологи, врачи, — ни начальники, ни подчиненные. Каждая минута лагерной жизни — отравленная минута. Там много такого, что человек не должен знать, а если видел — лучше ему умереть» [6. С. 145—146]. Но если у человека в долагерной, или, как пишет Шаламов, «первой» жизни, было что-то, что создавало нравственную опору, нравственный фундамент личности, будь то вера, творчество или нечто иное, то человек может найти в себе силы сопротивляться растлению и «расчеловечиванию». В этом смысле для позиции Шаламова характерен глубинный оптимизм. Шаламов верит в возможность противостояния, и показывает это противостояние в своих рассказах и стихах. Можно утверждать, что творчество Шаламова органично продолжает линию, в целом характерную для русской литературы, когда на первом плане для писателя оказываются поиски моральных ориентиров, стремление ответить на сложнейшие этические вопросы, — для Шаламова это прежде всего вопрос о сохранении человеческой личности в нечеловеческих условиях. Ответ Шаламова — отнюдь не только пессимистический — это ответ писателя-моралиста и даже писателя-проповедника.

Характерно, что уже в своих ранних рассказах (1930-е гг.) «молодой писатель делает акцент на проблеме морального выбора своих героев» [3. С. 133]. Нравственная проблематика, безусловно, будет ведущей и в прозе более позднего периода, в частности, в «Колымских рассказах», где, по утверждению Шаламова, «нет ничего, что не было бы преодолением зла, торжеством добра, — если брать вопрос в большом плане, в плане искусства» [9. С. 362].

Еще ярче, быть может, чем в прозе, нравственный пафос и идея моральной ответственности художника выразились в поэзии Шаламова. Творчество поэта, по Шаламову, имеет прежде всего этическое значение, поэт — это «подвижник и пророк», как утверждает автор в стихотворении «Орудье высшего начала...». Поэт, по Шаламову, «расплачивается» своим творчеством «за всех» — это значит, что

он претворяет в стихах не только собственный жизненный опыт, но и исполняет возложенную на него нравственную миссию: говорит от имени многих людей, донося правдивое свидетельство о пережитом страдании. «Стихи — это стигматы, // Чужих страданий след, // Свидетельство расплаты // За всех людей, поэт», — вот творческое кредо Шаламова. Поэт отвечает, ни много ни мало, за весь мир, за земной шар: «Но, прячась за моей спиной, // Лежит и дышит шар земной, // Наивно веря целый день // В мою спасительную тень». Поэзия в понимании Шаламова — это предстательство за всех и за каждого.

Настаивая на нравственной миссии поэта, Шаламов продолжает традиции русской литературы и в каком-то смысле даже идет дальше, потому что в его понимании носителем моральной идеи являются не только литературные произведения, но и сама личность автора. «Для современников поэт всегда нравственный пример», — утверждает Шаламов в статье «Таблица умножения для молодых поэтов» [9. С. 300]. А стихотворение «Орудье высшего начала...» говорит о том, каким Шаламову видится облик настоящего поэта: «Должны же быть такие люди, // Кому мы верим каждый миг, // Должны же быть живые Будды, // Не только персонажи книг».

Одной из самых главных задач поэта, по Шаламову, является отнюдь не только самовыражение (хотя это, конечно, непрменный атрибут любого творческого акта), а служение — миру, людям, читателям настоящего и будущего. В одном из стихотворений воссоздается образ поэта, который, вбирая в себя людские страдания, вдыхая «удушье крови, слез и пота», «переплавляет» все это в своем творчестве в «озон» — в «целебные слова»: «Удушье крови, слез и пота, // Что день-деньской глотает он, // Ночной таинственной работой // Переплавляется в озон. // И, как источник кислорода, // Кустарник, чащи и трава, // Растут в ночи среди народа // Его целебные слова».

Круг нравственных идей Шаламова, о которых мы говорили в связи с его прозой, конечно же, непосредственно отражается и в лирике. Одна из ключевых идей Шаламова — о том, что поэт и писатель должен донести правду, — становится едва ли не центральной в его поэтической рефлексии: «Ведь только длинный ряд могил — // Мое воспоминанье, // Куда и я бы лег нагим, // Когда б не обещанье // Допеть, доплакать до конца // Во что бы то ни стало, // Как будто в жизни мертвеца // Бывало и начало». Мы цитируем одно из самых пронзительных стихотворений Шаламова, где герой предстает мертвецом, единственное «воспоминание» которого — «длинный ряд могил». Но главным в стихотворении становится не нагнетание трагической образности, а мысль о миссии поэта: «Допеть, доплакать до конца // Во что бы то ни стало». Это глубокая вера в силу, необходимость и востребованность поэтического слова, в то, что слово рано или поздно будет услышано и понято. В конечном счете это вера в силу искусства, литературы.

Эта вера находит столь же явственное выражение в стихотворениях из цикла «Златые горы». Например, первое стихотворение цикла «Лиловый мед» раскрывает ту же тему. Вот как рождается стихотворение: «Упадет моя тоска, // Как шиповник спелый, // С тонкой веточки стиха, // Чуть заледенелой». Настоящая жизнь стихотворения начинается тогда, когда поэт обретает своего читателя, когда поэтическое слово служит людям, делая их счастливей: «На хрустальный, жест-

кий снег // Брызнут капли сока. // Улыбнется человек, // Путник одинокий. // И мешая грязный пот с чистотой слезинки, // Осторожно соберет // Крашенные льдинки. // Он сосет лиловый мед // Этой терпкой сласти, // И кривит иссохший рот // Судорога счастья».

Исключительная, почти религиозная вера в поэзию, в литературу заставляет Шаламова в какой-то момент даже признать «первичность» творчества по отношению к жизни: именно стихи, по Шаламову, — это «земли передвиженья // Внезапно найденный рычаг». Жизнь напрямую зависит от стихов: «Стихотворения — тихотворения, // Поправок, доделок — тьма! // От точности измерения // Зависит и жизнь сама». Пожалуй, ни у кого из современников и предшественников Шаламова мы не встретим такой безоговорочной веры в поэтическое слово как исток существования, веры в слово как в Бога. Не случайно высказывание Шаламова о том, что «кроме бога поэзии, никому более я не благодарен за мою судьбу» [9. С. 484]. «У меня много стихов о стихах, — признается Шаламов, — процент чуть поменьше пушкинского по моим подсчетам, да и у какого поэта нет стихов о стихах. Ведь кроме того, что стихи — всеобщий язык, не попробовать написать о самом главном в жизни, о своем инструменте, о своем исповедании веры, о своей религии, ибо для поэта стихи — религия, значит обеднить и свой, и читательский мир» [8. С. 499]. Шаламов здесь называет поэзию «религией», «исповеданием веры». По отношению к целому ряду поэтов такое утверждение должно быть понято сугубо метафорически, ведь в их творчестве поэзия не принимала религиозного значения. Применительно же к художественному миру самого Шаламова его высказывание можно понимать практически буквально, поскольку для Шаламова творчество действительно обретает почти религиозный смысл. Мироззрение Шаламова было атеистическим, в Бога он не верил, но его беспрекословная вера в поэзию действительно в каком-то смысле уподоблялась религиозной. В этом отношении творчество Шаламова является не только продолжением традиционной для русской культуры веры в слово, в литературу, продолжением литературоцентризма, свойственного русскому сознанию, но и многократно усиливает и подчеркивает литературоцентристскую тенденцию, возводит ее в степень, поскольку литературе, поэзии Шаламов отдает не просто главную в мирозренческом смысле, а беспрецедентно значимую роль.

Литературоцентризм русской культуры выражается и в том, что на протяжении длительного исторического периода именно литература во многом формировала национальное самосознание человека, именно через литературу человек «обретал национальную принадлежность, впитывал культурные гены своей нации» [2. С. 16]. Творчество Шаламова — в русле этой традиции, ведь он понимал литературу (и поэзию, в особенности) как явление прежде всего национальное. «Фактически поэт непереволим, — считает Шаламов, — отгорожен от другого народа частоколом традиций, принципов — не только литературных, но и бытовых. Ведь поэзия — вся в недоговоренности, в полунамеке, где вся тонкость ощущается только родным по языку человеком. Разве знаменитые аллитерации “Медного всадника” переводимы на другой язык?.. Никакой перевод никогда не передаст даже намек на “береговой гранит”, “строгий, стройный вид”, а ведь лишенный этого стих обессилен. Это — русское стихотворение» [9. С. 326].

Круг образов поэта, по Шаламову, специфически национален. Особенно очевидно это проявляется, как полагал Шаламов, в пейзажной лирике. «Именно в пейзажной лирике с особенной силой сказывается *чувство родины* (выделено Шаламовым — Д.К.), родной страны. Горы и леса родного края особенно дороги поэту. Они окружали его с детства, воспитывали его характер... Чувство природы, свойственное поэту-лирику, есть всегда чувство *родной* (выделено Шаламовым — Д.К.) природы» [9. С. 331]. Самые значимые, ценные явления нашей литературы, по Шаламову, в основе своей имеют именно это чувство: «Внимательная любовь, знание родных мест оставило нам и бунинскую темную зарю, и гулкие улицы “Медного всадника”, и блоковские городские пейзажи, и пушкинское “очей очарованье”». Продолжая размышления о пейзажах в русских стихотворениях, Шаламов приходит к выводу о том, что пейзажная лирика представляет собой «вид гражданской поэзии»: «Образы русской лирики, которые повторял в своем творчестве почти каждый большой поэт, — дорога, листопад, облака — ставшие классическими, традиционными, — это пейзажные образы. Большие поэты России оставили нам такие образцы пейзажной лирики, которые сами по себе стали национальной гордостью, славой России, начиная с “Медного всадника” или “Осени” Пушкина» [9. С. 331].

Лирика самого Шаламова — явление глубоко национальное. Сам Шаламов называл себя русским поэтом, «единственным русским поэтом, показавшим душу человека на лагерном Крайнем Севере» [9. С. 321]. Национальная суть поэзии Шаламова проявляется и в ее мировоззренческом пафосе, в значимости нравственных вопросов как объекта поэтической рефлексии, и в огромной роли религиозных, православных образов-символов (Шаламов не был верующим человеком, но богатейший религиозно-символический пласт в его поэзии невероятно важен), наконец, в особом внимании к образам природы, в том числе тем, которые приобрели в русской поэзии лейтмотивное значение. Национальная основа шаламовской лирики проявляется и на уровне поэтики — Шаламов неоднократно подчеркивал, что работает в рамках тех стихотворных размеров и метров, которые наиболее органичны именно для русского стихосложения. Шаламов много размышлял о специфике строения русского стиха, например, о том, «какой размер русского стихотворения идеален» (в эссе 1950—1960-х гг.), о формах и жанрах русской поэзии, о том, что представляет собою поэтическая интонация и кто из современных ему русских поэтов действительно обогатил новаторской интонацией лирику XX в.

Каким же образом убеждение Шаламова в глубокой национальной укорененности литературы, ее моральном пафосе и духовной значимости согласуется с его же известными высказываниями о том, что он не верит в литературу и искусство? Шаламов действительно испытывал сомнение и скепсис по отношению к ряду концепций, сложившихся в классической литературе, например, к представлению о русском характере, которое сформировала литература XIX в., к гуманистической концепции русской литературы, ставившей во главу угла человека и возможность его счастья. Кроме того, Шаламов, как представляется, не верил в литературу и искусство как политический инструмент. По всей вероятности, литература, с его

точки зрения, не может коренным образом повлиять на жизнь общества, резко изменить социальные отношения к лучшему. Но ни в коем случае Шаламов не отрицает при этом значимости литературы для личности, для ее морального сознания, для формирования и сохранения ее нравственного кодекса. Литература как проводник этических идей, как средство духовного самосохранения человека Шаламовым не подвергается сомнению. Доказательство тому — его собственное творчество.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Волкова Е.В.* Трагический парадокс Варлама Шаламова. М.: Республика, 1998. 176 с.
- [2] *Голубков М.М.* Зачем нужна русская литература? // Литература в школе. 2012. № 10. С. 13–18.
- [3] *Есипов В.В.* Шаламов. М.: Молодая гвардия, 2012. 346 с.
- [4] *Сиротинская И.П.* Мой друг Варлам Шаламов // Шаламов В.Т. Собр. соч. в 6 тт. Т. 7, дополнительный. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. С. 9–40.
- [5] *Шаламов В.Т.* «Новая проза». Из черновых записей 70-х годов // Новый мир. 1989. № 12. С. 57.
- [6] *Шаламов В.Т.* Собр. соч. в 4 тт. Т. 1. М.: Художественная литература; Вагриус, 1998. 620 с.
- [7] *Шаламов В.Т.* Собр. соч. в 4 тт. Т. 2. М.: Художественная литература; Вагриус, 1998. 509 с.
- [8] *Шаламов В.Т.* Собр. соч. в 4 тт. Т. 3. М.: Художественная литература; Вагриус, 1998. 597 с.
- [9] *Шаламов В.Т.* Собр. соч. в 4 тт. Т. 4. М.: Художественная литература; Вагриус, 1998. 494 с.
- [10] *Шаламов В.Т.* Собр. соч. в 6 тт. Т. 5. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. 384 с.

DESTINATION OF ART: VARLAM SHALAMOV'S CONCEPT

D.V. Krotova

Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991

In the article Varlam Shalamov's ideas of the role and tasks of art and literature are analyzed, his conception of writer and poet's moral duty is revealed. Proved that Shalamov's creation is the organic continuation of specific directive of Russian literature, when the main tasks of the writer are the assertion of moral values and answer ethic questions — for Varlam Shalamov it is, in the first place, the question about conservation of personality in the inhuman conditions. Based the statement that in Varlam Shalamov's creativity the traditional for Russian world outlook perception of literature as the central element of culture is continued. The author of the article supposes, how Varlam Shalamov's ideas of mental significance of literature are adjusted with his well-known expressions that he does not believe in art. Shalamov denied the role of literature as a political instrument but acknowledged its indisputable value for moral consciousness of personality.

Key words: Shalamov, Shalamov's ideology, literature as the central element of culture, tasks of art, moral problems in literature

REFERENCES

- [1] Volkova E.V. *Tragicheskiy paradoks Varlama Shalamova* [Varlam Shalamov's tragic paradox]. Moscow, Respublika Publ., 1998, 176 p.
- [2] Golubkov M.M. Zachem nuzhna russkaja literatura? [Why do we need Russian literature?]. *Literatura v shkole [Literature at School]*, 2012, no.10, p. 13–18.
- [3] Jesipov V.V. *Shalamov* [Shalamov]. Moscow, Molodaja Gvardija Publ., 2012, 346 p.
- [4] Sirotinskaja I.P. Moy drug Varlam Shalamov [My friend Varlam Shalamov] // Shalamov V.T. Sobraniye sochineniy [Collected edition]: In 6 vol. V. 7, additional. Moscow, Knizhnyj Klub Knigovek Publ., 2013, p. 9–40.
- [5] Shalamov V.T. “Novaja proza”. Iz chernovyh zapisey 70-h godov [“The new prose”. From the drafts of the 70-th] // *Novyi mir* [The New World], 1989, no. 12, p. 57.
- [6] Shalamov V.T. Sobraniye sochineniy [Collected edition]: In 4 vol. Vol. 1. Moscow, Hudozhestvennaja Literatura Publ.; Vagrius Publ., 1998, 620 p.
- [7] Shalamov V.T. Sobraniye sochineniy [Collected edition]: In 4 vol. Vol. 2. Moscow, Hudozhestvennaja Literatura Publ.; Vagrius Publ., 1998, 509 p.
- [8] Shalamov V.T. Sobraniye sochineniy [Collected edition]: In 4 vol. Vol. 3. Moscow, Hudozhestvennaja Literatura Publ.; Vagrius Publ., 1998, 597 p.
- [9] Shalamov V.T. Sobraniye sochineniy [Collected edition]: In 4 vol. Vol. 4. Moscow, Hudozhestvennaja Literatura Publ.; Vagrius Publ., 1998, 494 p.
- [10] Shalamov V.T. Sobraniye sochineniy [Collected edition]: In 6 vol. Vol. 5. Moscow, Knizhnyj Klub Knigovek Publ., 2013, 384 p.